

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Хенк Канне-Майер

Коммунизм рабочих советов в Германии

Хенк Канне-Майер
Коммунизм рабочих советов в Германии
1965

Сохранено 27 января 2012г. из revsoc.org

1965

крыле рейхстага, он хотел с помощью символического жеста побудить рабочих проснуться от их летаргии.

Ни та, ни другая тактика не дала результатов. Германия находилась в экономическом кризисе неслыханных масштабов, число безработных стремительно росло; диких забастовок не было; никто не соблюдал профсоюзные распоряжения. Профсоюзы тесно сотрудничали с предпринимателями и государством. Пресса коммунистов Советов часто конфисковывалась, ее призывы к созданию автономных комитетов действий не встречали отклика. Ирония момента: единственная большая дикая стачка того времени — забастовка берлинских транспортных предприятий в 1932 году — была организована вопреки социалистическим профсоюзам совместно сталинистскими и гитлеровскими бонзами.

После легального прихода Гитлера к власти активисты различных направлений были арестованы и заключены в концлагеря, из которых большинство не вернулось. В 1945 г. некоторые из выживших были расстреляны по приказу ГПУ при вступлении русской армии в Саксонию. Еще в 1952 г. бывший лидер ААУД Альфред Вайланд был похищен на улице в Западном Берлине и увезен в Восточный, где был осужден на многолетнее тюремное заключение.

Оглавление

Начало революции	6
Предшественники Советов	7
Легкая победа	8
Новые концепции	9
Ловушка	11
Политические течения	12
Развитие фабричных организаций	14
Коммунистическая партия Германии (КПГ)	16
Парламентаризм	17
Профсоюзы	19
Коммунистическая рабочая партия Германии (КРПГ) ...	20
КРПГ и расхождения в ААУД	20
Общая платформа	21
Двойная организация	23
Аргументы ААУД-Е	24
Ошибка в расчетах	26
Функции	27
Изменение функций	28
Организованный класс	29
Коммунистическое общество и фабричные организации	30
Конец движения в Германии	33

водятся из принципов самой этой экономики. Так например, принцип прибыли и прибавочной стоимости, ее частного или коллективного присвоения происходит на основе всех форм, принимаемых капиталистической экономикой. Вот почему недостаточно представлять экономику коммунизма только как отрицание капиталистической системы: отсутствие денег, рынка, частной или государственной собственности. Необходимо представить его позитивные характерные черты, показать, каковы будут экономические законы, которые восторжествуют над законами капитализма. Если поступить именно так, вполне вероятно, что альтернатива «федерализм или централизм» окажется мнимой проблемой.

Конец движения в Германии

Прежде чем мы продолжим заниматься этим вопросом, вероятно, имеет смысл бросить взгляд на практическую судьбу движения, выросшего из революционных фабричных организаций.

ААУД порвал с КРПГ с конца 1929 г. Его пресса выступила за «гибкую тактику», то есть поддержку рабочих выступлений с целью улучшения оплаты и условий труда, сокращения рабочего времени. КРПГ сочла эту тактику опасным шагом в сторону классового сотрудничества, соскальзыванием к политике торга. После исключения ее лидера Шарера, найденного виновным в соглашении с врагом — он опубликовал роман в издательстве, принадлежащем КПП — КРПГ пришла к восхвалению индивидуального террора как средства пробуждения классового сознания в массах. С этим движением был связан Маринус ван дер Люббе, который поджег рейхстаг. Запалив огонь в отдаленном

обществе и новой, примененной теперь формой борьбы. Экономической централизации и ее последствий, ясно продемонстрированных на практике, опасались, но не знали, как их можно избежать. Дискуссия, в зависимости от необходимости и степени, привела к выводу о большем или меньшем «федерализме» или «централизме».

ААУД-Е больше тяготел к «федерализму», КРПГ и ААУД больше склонялись к «централизму». В 1923 г. один из ведущих теоретиков КРПГ Карл Шрёдер объявил даже, что «чем сильнее централизовано коммунистическое общество, тем оно лучше».

Фактически это противоречие оставалось неразрешимым, если оставаться на уровне старых концепций «организованного класса». С одной стороны, примыкали к представлениям революционного синдикализма о взятии фабрик профсоюзами, с другой — думали как большевики, что централизованный аппарат, государство, должен регулировать производственный процесс и взять в свои руки распределение «национального дохода» среди рабочих. В любом случае дискуссия о коммунистическом обществе, если исходить из дилеммы «федерализм или централизм», совершенно бесплодна. Эти проблемы — проблемы организации, чисто технические, поскольку коммунистическое общество — в первую очередь экономическая проблема. Капитализм должен быть преодолен путем создания иной экономической системы, в которой средства производства, продукты, рабочая сила не выступают в «стоимостной форме», а эксплуатация трудящихся классов в пользу привилегированных слоев ликвидирована. Дискуссия о «федерализме или централизме» лишена смысла, если сперва не показать, каков будет экономический базис этого «федерализма» или «централизма». В действительности организационные формы данной экономики в целом не являются произвольными, а вы-

Хенк Канне-Майер (1890 — 1962), рабочий-металлист, позднее учитель, работал в «Группе Интернациональных Коммунистов» и вместе с Яном Анпелем некоторое время был лидером голландской Коммунистической рабочей партии. Участвовал в составлении «Основных принципов коммунистического производства и распределения», автор множества мелких работ: «К истории коммунизма Советов в Голландии» и др.

Настоящая работа была впервые опубликована в 1938 г. в голландском журнале «Коммунизм Советов» (№3, ноябрь 1938). В слегка измененной редакции она была опубликована во многих журналах революционных групп, в последний раз — в 1965 г.

Данное исследование не является работой специалиста в области государства и права. Ее цель также не состоит в том, чтобы вызвать в памяти случайные явления или увязать вместе детали, связанные с особой исторической ситуацией, но попытаться выявить некоторые крупные, исторически значимые черты. В равной мере оно пытается показать, что поражение Советского движения в Германии в 20-е гг. объяснялось прежде всего господством традиционных представлений, все еще влиявших на менталитет рабочих, и продемонстрировать, насколько сильна необходимость разработать новые идеи, адекватные переживаемой нами эпохе. Наконец, — несмотря на необыкновенные проблемы, выдвигаемые этой задачей вместе с новыми идеями и перед радикальными левыми — оно подчеркивает, что поиск нового в классовой борьбе и пропаганда нового мира являются одним из немногих средств, которыми могут воспользоваться сторонники идеи Советов, чтобы действовать в направлении всеобщего независимого классового движения, когда таковое возникнет.

Для читателя, который занимается проблемами, могущими возникнуть при возможном изменении общества самими рабочи-

ми, движение Советов, появившееся в XX веке в развитых странах, служит ценным объектом осмысления. Без сомнения, от него потребуются определенное мысленное усилие, но мы надеемся, что дело того стоит.

Начало революции

В ноябре 1918 г. германский фронт рухнул. Солдаты дезертировали тысячами. Вся военная машина развалилась. Тем не менее, морские офицеры решили дать последний бой, чтобы спасти свою честь. Матросы отказались повиноваться. Это было не первое их выступление, но все предыдущие были подавлены пулями и приказами. На сей раз непосредственной преграды уже не было; сперва на одном военном корабле, затем и на других было поднято красное знамя. Матросы избрали делегатов, которые создали Совет. С этого момента они вынуждены были делать все, чтобы движение расширилось. Они не хотели погибнуть в борьбе с врагом, но если бы они остались в изоляции, вмешались бы так называемые лояльные воинские части, вспыхнула бы новая борьба и наступило новое подавление. Матросы покинули свои корабли и захватили большой гамбургский порт; оттуда они поездами или другими способами отправились по домам.

Жест освобождения был совершен. Отныне события опережали друг друга. В Гамбурге матросов встретили с восторгом; солдаты и рабочие солидаризировались с ними и также создали Советы. Хотя эта форма организации была до тех пор практически неизвестна, в течении четырех дней плотная сеть рабочих и солдатских Советов покрыла всю страну. Возможно, люди слышали о российских Советах 1917 года, но наверняка очень мало: об этом позаботилась цензура. В любом случае,

профсоюзное действие являются важными средствами борьбы. Соответственно рабочие борются не как независимый класс, преследующий прежде всего свои цели, он должен доверять «управление и руководство классовой борьбой» парламентским и профсоюзным вождям. Можно поэтому сказать, что, согласно этой идеологии, партия и профсоюз образуют в глазах рабочих конститутивные элементы государства и именно этим элементам должно принадлежать управление и руководство будущим коммунистическим обществом.

В ходе первой фазы, последовавшей за поражением революционного действия в Германии, эта традиция все еще была сильно представлена в концепциях ААУД, КРПГ и ААУД-Е. Все они высказывались за организацию, которая должна охватывать миллионы и миллионы членов, чтобы осуществить политическую и экономическую диктатуру пролетариата. Так, ААУД заявлял в 1922 г., что он в состоянии на основе своих действий взять в свои руки «управление 6% немецких фабрик». Но теперь эта концепция была поколеблена. До тех пор, как мы видели, сотни фабричных организаций, связанных с ААУД или ААУД-Е либо организованных в них, требовали максимальной независимости в том, что касается свободы принимаемых решений, и делали все возможное, чтобы предотвратить образование новой «клики вождей». Но можно ли сохранить эту независимость внутри коммунистической жизни? Экономическая жизнь сильно специализирована, и все отрасли экономики тесно взаимосвязаны. Как следует управлять экономической жизнью, не возвращаясь в производстве и распределении общественного богатства к централизованным инстанциям? Можно ли заменить государство как регулятора производства и организатора распределения? Здесь выявилось противоречие между старыми представлениями о коммунистическом

новая концепция имела последствия для многих вопросов, например, о диктатуре пролетариата. Ведь если организованная борьба не была больше исключительным делом и объектом руководства специализированных организаций, то они не могли и рассматриваться как органы диктатуры пролетариата. Тем самым исчезла проблема, которая часто приводила к острым конфликтам: кто должен осуществлять или организовать власть — КРПГ или ААУД?

Диктатура пролетариата больше не должна быть задачей специализированных групп, это будет задача самого борющегося класса, берущего на себя все функции, все аспекты борьбы. Задачи новой организации, КАУД, ограничивались коммунистической пропагандой, разъясняющей цели, которые побуждают рабочий класс к борьбе против капиталистов и старых организаций, сперва методами диких забастовок, и во всех акциях демонстрирующей ему его силу и слабости.

Коммунистическое общество и фабричные организации

Дальнейшее развитие этих идей должно было неизбежно сопровождаться пересмотром прежних представлений об элементах, образующих коммунистическое общество. Господствовавшее в целом в массах мнение было нацелено на создание государственно-капиталистической системы. Иными словами, существовал целый ряд теорий с небольшими различиями между ними, но вся эта идеология могла быть сведена к трем принципам: государство путем национализации, управляемой экономики, социальных реформ и т.д. образует рычаг, который позволяет осуществить социализм, причем парламентское и

эту форму борьбы тогда не предлагала ни одна партия, ни одна организация.

Предшественники Советов

Но уже во время войны на германских фабриках появились организации, которые можно сравнить с Советами. Они были образованы в ходе стачек выборными ответственными, которых называли «доверенные лица». Профсоюзы наделяли их небольшими функциями; они должны были, в соответствии с немецкой профсоюзной традицией, осуществлять связь между рядовыми работниками и профсоюзами, передавая профсоюзному руководству в центре требования рабочих снизу. Во время войны чаще всего случались жалобы на интенсификацию труда или повышение цен. Но германские профсоюзы — как и в других странах — вошли в единый фронт с правительством и гарантировали, таким образом, социальный мир в обмен на небольшие улучшения для рабочих и участие профсоюзных вождей в официальных учреждениях. От этого страдали и доверенные лица. «Радикалы» рано или поздно призывались в армию и отправлялись в специальные подразделения. Было очень трудно отстаивать свою позицию вопреки профсоюзам.

В итоге доверенные лица прекратили информировать профсоюзы — что им было нетрудно, — но ситуация, а значит, и требования рабочих оставались, тем не менее, теми же самыми; они организовывались втайне. В 1917 г. страну внезапно сотрясла волна диких стачек. Это движение было стихийным и не руководилось никакой твердой организацией. Если оно, тем не менее, проходило с известной сплоченностью, то лишь потому, что ему предшествовали дискуссии и договоренности

между отдельными фабриками, поскольку доверенные лица перед акцией установили связи между собой.

В этих движениях, порожденных невыносимым положением, в отсутствии какой-либо организации, к которой существовало бы хотя бы минимальное доверие, различные политические воззрения рабочих (социал-демократические, религиозные, либеральные, анархистские и др.) отступили на задний план перед лицом веления часа. Трудящиеся массы были вынуждены сами принимать решения на уровне фабрик. Осенью 1918 г. эти движения, имевшие до тех пор лишь спорадический характер и более или менее связанные между собой, приобрели прочную и всеобщую форму. Параллельно классическим аппаратам управления (полиции, трудовому ведомству, снабженческому ведомству и т.д.), а иногда вместо них рабочие Советы взяли в свои руки власть в важнейших промышленных центрах: Берлине, Гамбурге, Бремене, Рурской области, в Средней Германии, в Саксонии. Но их успехи были минимальны. Почему?

Легкая победа

Эта безрезультатность проистекала из самой легкости, с которой создавались рабочие Советы. Государственный аппарат утратил всякий авторитет; если он то тут, то там разваливался, то отнюдь не в результате ожесточенной, упорной борьбы самих рабочих. Их движение натолкнулось на пустоту и поэтому могло без больших трудностей расширяться, без необходимости вести борьбу и думать о борьбе. Единственная цель, о которой велась речь, была цель всего народа: мир.

В этом состоит одно из важнейших отличий от российской революции. В России первая революционная волна, Февральская

организации были охвачены трусостью, а нацисты шли от триумфа к триумфу, ААУД, оторвавшийся к этому времени от КРПГ, в декабре 1931 г. объединился с ААУД-Е, а в КРПГ осталось совсем мало членов; другие из ААУД-Е объединились с анархистскими группами.

Но большинство оставшихся в фабричных организациях организовались в новом Коммунистическом рабочем союзе КАУД, выразив тем самым представление о том, что эта новая организация является уже не «всеобщей», объединяющей в себе всех рабочих, охваченных революционной волей, каким был, к примеру, ААУД, а организацией сознательных коммунистических рабочих.

Организованный класс

КАУД стал, таким образом, выражением изменения в концепции организации. И это изменение имело свой смысл. Следует напомнить, что до этого имелось в виду под понятием «организованного класса». ААУД и ААУД-Е вначале полагали, что именно они организуют рабочий класс, что миллионы пролетариев вступят в их организацию. В принципе это была идея, очень близкая к представлениям революционных синдикалистов, ожидавших, что в один прекрасный день все рабочие окажутся в их профсоюзах; тогда, наконец, рабочий класс станет организованным классом.

Теперь КАУД призвала рабочих организовать свои собственные комитеты действия и устанавливать связи между ними. Иными словами: борьба организованного класса больше не зависит от организации, созданной до борьбы. В этой новой концепции «организованный» класс становился рабочим классом, борющимся под своим собственным руководством. Эта

цель которых — агитация в массах, пытающихся инстинктивно оторваться от старых организаций.

Изменение функций

Но фактически, после поражения и кровавого подавления в 1921 г., с наступлением волны экономического процветания эти функции превратились в чисто теоретические. Деятельность этой партии ограничивалась чисто пропагандистской работой и анализом, то есть действиями политической группы. Разочарованное отсутствием революционной перспективы, большинство членов покинуло организацию. Сокращение сферы ее деятельности привело и к тому, что фабрики перестали составлять основу организации. Организовывались теперь на уровне кварталов, в кафе, иногда пели (по-немецки) в хоре, с пылом старые рабочие песни надежды и гнева.

Разницы между КРПГ, ААУД и ААУД-Е больше не было. Члены КРПГ и ААУД практически встречались в номинально различных группах, да и члены ААУД-Е были организованы в группу политического характера, даже если не желали этого признавать. Антон Паннекук, голландский марксист, бывший одним из теоретических вдохновителей всех этих групп, в 1927 г. писал по этому поводу: *«ААУД, как и КРПГ, в основном составляет организацию, непосредственной целью которой является революция. В иные времена, во времена упадка, о создании такой организации нельзя было бы и думать. Но она пережила годы революционных боев; и рабочие, которые ее, с одной стороны, создали и боролись под ее знаменем, не хотели утратить опыт этой борьбы и сохраняли ее как зародыш будущих сражений»*. Однако из трех политических «партий» одного и того же направления две были лишними. С ростом угрозы, когда старые рабочие

революция, разбила царский режим, но война продолжалась. Поэтому движение объединенных рабочих было вынуждено усиливать свой нажим, должно было показать свою решительность и смелость. Но в Германии первое требование народа — мир — было незамедлительно исполнено; кайзеровское господство без церемоний уступило место республике. Но что это будет за республика?

Пред войной у рабочих на сей счет не было расхождений. Рабочая политика, которая как в теории, так и на практике делалась социал-демократической партией и профсоюзами, принималась и признавалась большинством организованных рабочих. Для членов социалистического движения, которое сформировалось в ходе борьбы за парламентскую демократию и социальные реформы и на которое эта борьба наложила отпечаток, буржуазно-демократическое государство призвано было в один прекрасный день стать рычагом социализма. Достаточно будет завоевать большинство в парламенте, и социалистические министры затем шаг за шагом национализируют экономическую и социальную жизнь, и это будет социализм.

Существовало тогда и без сомнения революционное течение, наиболее известными представителями которого были Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Но это течение никогда не занимало четкой оппозиции против государственнического социализма; оно лишь образовало оппозицию внутри старой партии, и для рядовых людей это оппозиционное направление не было ясно отделено от всей партии.

Новые концепции

Тем не менее, в дни больших массовых движений 1918-1921 гг. проявились и новые представления. Они не были делом

мнимого авангарда, а вырабатывались самими массами. Самостоятельная активность рабочих на практике нашла свою организационную форму: Советы, эти новые организации, действовали вполне в духе класса. И поскольку существует теснейшая связь между формами борьбы, созданными классовой борьбой, и представлениями о будущем, естественно, что старые представления начали шататься. Теперь рабочие сами вели свою борьбу, вне партийного и профсоюзного аппарата; идея о том, что массы через Советы должны оказывать прямое влияние на общественную жизнь, начала обретать очертания. Лишь в этих рамках возможна «диктатура пролетариата», такая, которая не осуществляется партией, а служит выражением осуществленного наконец единства всего трудового народа. Конечно, такое общественное устройство не является демократическим в буржуазном понимании, поскольку та часть народа, которая не принимает участия в новой организации общественной жизни, не имеет голоса ни при обсуждении, ни при голосовании.

Мы сказали, что старые представления начали исчезать. Но стало ясно, что профсоюзные и парламентские традиции слишком глубоко укоренились в массах, и не могут исчезнуть за такой короткий срок. Буржуазия, социал-демократическая партия и профсоюзы напоминали об этих старых традициях. Особенно партия высокими словами приветствовала эту новую форму, посредством которой массы могли участвовать в общественной жизни. Она пошла еще дальше и потребовала, чтобы эта новая форма прямого господства была признана и подтверждена законом. Но выражая им свою симпатию, старое рабочее движение приблизилось к Советам, не отводя им соответствующего места, чтобы вступить с ними в конкуренцию. Требуя того, что называют рабочей демократией, старые партии и профсоюзы потребовали, чтобы в Советах были представлены

больше не были «всеобщими» организациями рабочих, они были ядром сознательных коммунистов-сторонников рабочих Советов. С этого момента ААУД и ААУД-Е приобрели характер маленьких «партий», хотя в своей прессе всегда утверждали обратное.

Функции

Была ли малая численность членов причиной медленного превращения фабричных организаций в политические партии? Нет. Причиной стало изменение функций. Хотя фабричные организации никогда не считали своей задачей руководство забастовкой, проведение переговоров с предпринимателями, формулирование требований (это было делом самих бастующих). ААУД и ААУД-Е были организациями практической борьбы. Они ограничивались пропагандистской работой и выполнением функций поддержки. Каждый раз, когда вспыхивала стачка, фабричные организации брали на себя значительную часть организационной работы: их пресса становилась прессой забастовки, они организовывали собрания бастующих и ораторы на этих собраниях были часто членами ААУД и ААУД-Е. Но задача переговоров с предпринимателями отводилась стачкому, в котором члены фабричных организаций представляли не свою группу как таковую, а бастующих, которые их выбрали и перед которыми они несли ответственность.

У политической партии, КРПГ, была другая функция. Ее задача состояла главным образом в пропаганде, политическом и экономическом анализе. Во время выборов она занималась антипарламентской пропагандой и разоблачала буржуазные и иные партии; она призывала создавать на фабриках, в торговых организациях и среди безработных комитеты действия,

действиях, вызванных глубокой дезориентацией и безнадежностью, благодаря ее страстной критике капитализма и его помощников среди рабочих из всех политических течений (сюда попадали и «дворцовые господа» из Москвы). Следует добавить, что каждое из этих направлений имело сильную прессу, поддерживаемую в целом за счет нелегальных денежных средств, и что их члены, часто уволенные с работы за свою подрывную деятельность, были очень активны на улице, публичных мероприятиях и т.д.

Ошибка в расчетах

Рассчитывали на то, что быстрый рост фабричных организаций в 1919-1920 гг. с той же скоростью продолжится в последующей борьбе. Надеялись, что из фабричных организаций сможет возникнуть массовое движение, в котором «миллионы и миллионы рабочих обнаружат для себя сознательный коммунизм», и что оно нейтрализует силу так называемых рабочих профсоюзов. Исходя из правильной гипотезы о том, что пролетариат может бороться и победить только как организованный класс, полагали, что рабочие смогут найти путь, создавая новую, постоянную, все время растущую организацию. Ростом ААУД и ААУД-Е измеряли развитие боеспособности и классового сознания. За периодом ускоренного экономического роста (1923 — 1929) последовала новая фаза борьбы, которая закончилась в 1933 г. с приходом к власти Гитлера. Все это время ААУД, КРПГ и ААУД-Е все больше замыкались на себе. В конце концов в них оставалось не более чем пара сотен членов, остатки некогда больших фабричных организаций, иными словами, то тут, то там остались разбросаны маленькие зерна при общем числе пролетариев в 20 миллионов. Фабричные организации

все течения рабочего движения пропорционально их численности и значению.

Ловушка

Большая часть рабочих оказалась не в состоянии сопротивляться этим аргументам: они были в плену своих старых привычек. Так рабочие Советы превратились в объединения представителей социал-демократической партии, профсоюзов, левых социал-демократов, потребительских кооперативов и т.д., а также делегатов от фабрик. Важно при этом, что эти Советы были уже не органами групп рабочих, объединенных жизнью на фабрике, а формированиями, которые использовались старым рабочим движением и открывали дорогу реставрации капитализма на уровне демократического государственного капитализма.

Это означало поражение усилий рабочих. Фактически и делегаты в Советах теперь получали директивы не от массы, а от соответствующих организаций. Они просили рабочих позволить, наконец, снова утвердиться «порядку» и уважать его, заявив, что «беспорядок не есть социализм». При этих условиях Советы вскоре утратили свое значение в глазах рабочих. Буржуазным институтам удалось возобновить свою работу, ни в малейшей степени не заботясь о мнении Советов; именно в этом и состояла цель старого рабочего движения.

Старое рабочее движение могло гордиться своей победой. Принятый парламентом закон изложил все права и обязанности Советов вплоть до мельчайших деталей. Они должны были наблюдать за осуществлением социальных законов, такова их задача. Иными словами, по своему значению они превратились в колесико государственной машины; они приняли

участие в развитии государственной машины, вместо того, чтобы ее разрушить. В массах традиции ожили гораздо сильнее, нежели были результаты стихийного действия.

Несмотря на эту «неудавшуюся революцию» нельзя сказать, что победа консервативных элементов была простой и легкой. Новая духовная ориентация оказалась достаточно сильной, чтобы сотни тысяч рабочих ожесточенно боролись за сохранение Советами их характера нового классового единства. Это заняло пять лет непрерывных столкновений и подчас даже вооруженной борьбы, и понадобилась бойня 35 тысяч рабочих, прежде чем движение Советов было окончательно побеждено объединенным фронтом буржуазии, старого рабочего движения и белой гвардии, созданной прусским юнкерством и реакционными студентами.

Политические течения

Со стороны рабочих можно в общих чертах выделить четыре политических направления:

- a. социал-демократы. Они хотели, используя парламентский, путь постепенно национализировать крупную промышленность. Они имели тенденцию также к тому, чтобы предоставить профсоюзам исключительно роль посредников между государственным капиталом и рабочими.
- b. коммунисты. Более или менее вдохновляясь российским примером, это направление выступало за прямую экспроприацию капиталистов массами. В соответствии с их концепциями, рабочим отводилась задача «завоевать» и «революционизировать» профсоюзы.

куссий и свобода слова. Характерно, что ААУД-Е критиковала КРПГ «в духе» самой КРПГ: по ее мнению, КРПГ была централистской партией с профессиональными вождями и платными редакторами, которая отличалась от КРПГ только отрицанием парламентаризма; «двойная организация» — это ни что иное, как применение политики «двойной кормушки» на пользу вождей. Большинство течений в ААУД-Е отвергало наличие оплачиваемых вождей. «Ни членских билетов, ни уставов, ничего иного в том же роде», — говорили они. Некоторые группы шли даже настолько далеко, что создавали антиорганизационные организации. . . .

Грубо говоря, когда пролетариат слишком слаб и не обладает знаниями, чтобы принимать решения в ходе своей борьбы, это еще отнюдь не означает, что нужна партия. Никто не может действовать вместо пролетариата, он должен сам преодолевать свои ошибки, иначе он будет побежден и дорого заплатит за свое поражение. Двойная организация — это устаревшая организационная форма, остаток старой традиции: партия и профсоюзы.

Эти расхождения между КРПГ, ААУД и ААУД-Е имели практические последствия. Например, во время восстания в Средней Германии в марте 1921 г., которое было по большей части вызвано и руководилось вооруженными группами КРПГ (которая в то время еще была симпатизирующей партией 3-го Интернационала), ААУД-Е отказалась в нем участвовать, поскольку оно, по ее мнению, служило тому, чтобы прикрыть российские трудности и затушевать подавление Кронштадта.

Несмотря на повторные ошибки, вызывавшие резкую и зачастую путаную полемику и по персональным вопросам, «дух КРПГ» долго оказывал ощутимое влияние на массы — по причине преувеличенного акцента на прямых насильственных

ную задачу, она будет играть роль катализатора на уровне идей. Но задача самоорганизации масс отводится ААУД, который должен при этом воспользоваться резервуаром фабричных организаций. Его задачей будет вести борьбу с профсоюзами и подрывать их влияние; разумеется, с помощью пропаганды, но особенно посредством целенаправленных действий групп, «которые своими действиями должны показать, чем массам еще предстоит стать», как говорил Гортер. Наконец, в ходе борьбы фабричные организации превратятся в рабочие Советы, охватывающие всех рабочих и действующие непосредственно по их воле и под их контролем. Короче говоря, «диктатура пролетариата» была бы ничем иным как ААУД, распространенным на все фабрики Германии.

Аргументы ААУД-Е

ААУД-Е, выступавшая против политической партии, отдельной от фабричных организаций, стремилась создать большую единую организацию, задачей которой было бы практическое ведение массовой борьбы, а затем и организация управления обществом на основе рабочих Советов.

Следовательно, новая организация имела одновременно и экономические, и политические задачи.

С другой стороны, эта концепция отличалась от старого революционного синдикализма, отвергавшего особую политическую власть рабочих и диктатуру пролетариата. Но в то же время, признавая, что пролетариат слаб, расколот и непросвещен и что поэтому необходимо длительное обучение, ААУД-Е не считала необходимой элитную партию в роде КРПГ. По ее мнению, для этой воспитательной задачи достаточно фабричных организаций, поскольку в них гарантированы свобода дис-

- c. анархо-синдикалисты. Они выступали против политической власти и любого государства. По их представлениям, профсоюзы представляли собой форму будущего, поэтому следовало бороться за то, чтобы они стали как можно сильнее и оказались в состоянии управлять всей экономической жизнью. Один из известнейших теоретиков этого направления в 1920 г. писал, что профсоюзы следует рассматривать не как переходный продукт капитализма, а как зародыш будущего социалистического общества. В 1919 г. казалось, что настал час этого движения. После краха Германской империи эти профсоюзы стали быстро расти. В 1920 г. в анархистских профсоюзах насчитывалось около 200 тысяч членов.
- d. но в том же году действенность профсоюзов стала сокращаться. Большая часть их приверженцев обратилась к совершенно другой форме организации, которая лучше подходила к условиям борьбы — революционной фабричной организации. На каждой фабрике существовала или должна была существовать собственная организация, которая могла бы действовать независимо от других и на первом этапе не была бы связана с другими. Каждая фабрика оказывалась, таким образом, «независимой» и должна была полностью полагаться только на себя.

Эти фабричные организации были, без сомнения, творением масс, однако следует подчеркнуть, что они возникли в контексте революции, которая еще не была побеждена, но уже, по крайней мере, стагнировала.

Быстро выяснилось, что рабочие не могут непосредственно взять политическую и экономическую власть через Советы и организовать; сперва им приходилось вести борьбу против

сил, выступавших против Советов. Поэтому революционные рабочие начали с соединения своих сил на всех предприятиях, чтобы сохранить связь с социальной жизнью. С помощью пропаганды они пытались пробудить сознание рабочих, призвать их покинуть профсоюзы и встать на сторону революционных фабричных организаций; только так рабочие смогли бы сами вместе руководить своей борьбой и добиться экономического и политического контроля над всем обществом.

Казалось, рабочий класс сделал большой шаг назад в области организации. Раньше рабочие были централизованы в нескольких мощных организациях, теперь же они раскололись на сотни маленьких групп, в каждой из которых, в зависимости от величины фабрики, насчитывалось несколько сотен или тысяч борцов. В действительности же эта форма была единственной, позволявшей осуществлять прямую гегемонию рабочих; и, хотя эти новые организации были небольшими, они перепугали буржуазию, социал-демократию и профсоюзы.

Развитие фабричных организаций

Эти организации были изолированы друг от друга не на основе принципа. Просто они возникали то тут, то там, стихийно и самостоятельно, в ходе диких забастовок (например, шахтеров в Рурской области в 1919 г.). Существовала тенденция к объединению всех этих организаций с целью создать сплоченный фронт против буржуазии и ее подручных. Эта инициатива исходила в апреле 1920 г. из больших портов, Гамбурга и Бремена. Первая объединительная конференция, в которой приняли участие делегаты из всех важнейших промышленных регионов Германии, состоялась в Ганновере. Полиция ворвалась в зал и запретила конгресс. Но в действительности эта общая

Двойная организация

КРПГ выступала против массовой партии «ленинского типа», который возобладал после российской революции. Она придерживалась позиции, согласно которой революционная партия по необходимости должна быть элитарной, то есть маленькой; партией, заботящейся о качестве, а не о количестве своих членов. Партия, которая объединит в себе наиболее сознательных представителей класса, должна действовать в массах как дрожжи в тесте, то есть заниматься пропагандой, организовывать дискуссии и т.д.

Ее стратегией должна быть стратегия «класс против класса», основанная целиком на борьбе на фабриках и вооруженных выступлениях — иногда даже, как сопутствующее явление, следовало прибегать к средствам террора (метанию бомб, экспроприации банков и т.д. — акциям, которые часто случались в начале 20-х гг.). Борьба на фабриках под руководством комитетов действия должна была выработать классовое сознание, необходимое для массовой борьбы, и мобилизовать на решающие схватки все большую часть пролетариата.

Герман Гортер, один из ведущих теоретиков этого направления, так обосновывал необходимость маленькой компартии: *«Большинство пролетариев живут в невежестве. Они имеют весьма слабые представления об экономике и политике, они мало знают о национальных и международных событиях, о взаимосвязи между ними и влиянии, которое они могут оказать на революцию. Они не могут рационально объяснить свое классовое положение. По этой причине они не могут действовать в правильный момент. Они действуют, когда не надо, и не действуют, когда это необходимо. Они слишком часто ошибаются».*

Итак, эта небольшая партия избранных имеет воспитатель-

крайней мере, в Западных странах, далеко позади. Пролетариат составляет там теперь большинство населения, а все сектора буржуазии объединяются под руководством крупного капитала. Поэтому революция становится задачей одного только пролетариата. И она неизбежна, поскольку капитализм вступил в период своего смертельного кризиса (не следует забывать, что эта оценка делалась в 20-30-е гг.).

Если общество, по крайней мере на Западе, коренным образом изменилось, должны измениться и представления о коммунизме. Они и менялись, равно как и старые представления, поддерживавшиеся старыми организациями и противоречившими социальное освобождению. Пример приводит Отто Рюле, один из главных теоретиков ААУД-Е в работе 1924 г.: *«Национализация, остающаяся программой как социал-демократии, так и коммунистов, отнюдь не идентична обобществлению. С помощью национализации средств производства можно придти, к примеру, к сильно централизованному государственному капитализму, который, быть может, и превосходит частный капитализм, но остается, тем не менее, капитализмом»*. Коммунизм — это результат действия рабочих, их активной борьбы, он создается, в первую очередь, ими самими! Поэтому необходимо вначале создать новые организации. Но что это должны быть за организации? В этом пункте мнения расходились, и противоречия приводили к многочисленным расколам. В то время, как рабочий класс все больше отказывался от революционной активности, его официальные представители и организации занимались лишь демонстративными и смехотворными вещами, те, кто хотели действовать, защищая свои завоевания, лишь отражали сами общее разложение рабочего движения. Тем не менее, имеет смысл показать тогдашние расхождения.

объединенная организация была уже создана; она смогла ясно определить важнейшие принципы своих действий. Эта организация приняла название «Всеобщий рабочий союз Германии» (ААУД). ААУД провозгласил важнейшим принципом борьбу против профсоюзов и отказ от парламентаризма. Каждая из организаций, входивших в союз, имела право на максимальную независимость и пользовалась максимальной свободой в выборе тактики.

В это время профсоюзы в Германии насчитывали больше членов, чем когда-либо за свою историю; они не достигли его снова даже сейчас. Только профсоюзы, находившиеся под контролем социалистов, охватывали 8 миллионов платящих членские взносы. В христианских профсоюзах было более миллиона членов, в рядах «желтых» профсоюзов — почти 300 тысяч. Помимо этого существовали анархо-синдикалистские организации, а также некоторые другие, позднее вступившие в руководимый Москвой Профинтерн. В самом начале ААУД насчитывал 80 тысяч рабочих (апрель 1920 г.), но он быстро рос и уже к концу года число его членов выросло до 300 тысяч. Конечно, организации, из которых состоял ААУД, в равной мере симпатизировали ФАУД (анархо-синдикалистам) и Профинтерну. В декабре 1920 г. эти противоречия спровоцировали раскол внутри ААУД, и многие примкнувшие к нему организации вышли из него и создали новую организацию, названную ААУД-Е (ААУД — Единая организация). После этого раскола ААУД заявлял на своем четвертом съезде в июне 1921 г., что в нем все еще насчитывается более 200 тысяч членов. В действительности эти цифры были весьма неточны: в марте 1921 г. поражение восстание в Средней Германии буквально сломало хребет ААУД. Ослабевшая организация уже не могла оказать действенного сопротивления начавшейся волне политических репрессий.

Коммунистическая партия Германии (КПГ)

Прежде чем мы остановимся на различных расколах в движении фабричных организаций, необходимо поговорить о компартии (КПГ). Во время войны и тем более после нее социал-демократия встала на сторону господствующего класса и сделала все для сохранения «социального мира». Единственным исключением было небольшое меньшинство товарищей и партийных функционеров, наиболее известными из которых были Роза Люксембург и Карл Либкнехт. Они вели активную пропаганду против войны и резко критиковали социал-демократию. Они были не одиноки. Вне этой группы, «Союза Спартака», существовали и другие группы, такие как «Интернационалисты» во Франкфурте и Дрездене, «Левые радикалы» из Гамбурга и «Рабочая политика» из Бремена. После ноября 1918 г. и краха империи эти группы, в известной степени ориентировавшиеся на российскую революцию, активно вступили в уличную борьбу, из которой должна была вырасти новая политическая организация. Наконец, в Берлине состоялся объединительный съезд; в первый его день была основана Коммунистическая партия (30 декабря 1918 г.)

Эта партия немедленно превратилась в центр притяжения для многих революционных рабочих, выдвинувших лозунг: «Вся власть Советам». Нужно учитывать, что основатели КПГ своего рода по праву рождения образовали кадры новой партии; часто они несли в новую организацию дух старой партии. Рабочие, которые теперь притекали в КПГ и использовали новые формы борьбы, не всегда осмеливались, из уважения к дисциплине, выступить против своих вождей и склонялись перед

с. когда в этой организации будут миллионы членов, она должна будет организовать диктатуру пролетариата.

По двум пунктам существовали непреодолимые противоречия:

- a. о необходимости или ненужности политической партии помимо ААУД;
- b. об управлении экономической и социальной жизнью.

Вначале ААУД поддерживал весьма слабые контакты с КПГ, и этих разногласий практически не возникало. С созданием КРПГ ситуация изменилась. ААУД стал тесно сотрудничать с КРПГ, причем вопреки воле большого числа своих членов, особенно в Саксонии, Франкфурте, Гамбурге и т.д. (не следует забывать, что Германия все еще оставалась сильно раздробленной, и эта раздробленность влияла и на жизнь рабочих организаций). Противники КРПГ критиковали ее как по существу ту же «клику вождей», и в декабре создали ААУД-Е, отвергавшую любую партию пролетариата как «специализированную» организацию, политическую партию.

Общая платформа

Каковы были аргументы каждого из трех течений?

Они были едины во взгляде на современный мир. В целом, это означало, что каждый признавал: общество изменилось. В XIX веке пролетариат был крошечным меньшинством в обществе, он не мог бороться в одиночку и должен был пытаться вступить в союзы с другими классами; отсюда исходила и демократическая стратегия Карла Маркса. Но эти времена, по

всего на 3 года. В то же самое время КПГ потеряла наиболее болевых своих членов и вынуждена была безусловно покориться воле Москвы.

Коммунистическая рабочая партия Германии (КРПГ)

Вскоре после этого исключенные члены создали новую партию — КРПГ. Она вступила в тесные отношения с ААУД. В массовых движениях последующих лет КРПГ была силой, с которой приходилось считаться. Ее воли и практики прямого действия боялись также сильно, как и ее критики партий и профсоюзов, ее разоблачения капиталистической эксплуатации во всех ее формах, но прежде всего на фабриках; ее пресса и издания часто были лучшей марксистской литературой из всего, имевшегося в то время упадка марксистского рабочего движения. И это несмотря на то, что КРПГ замкнулась в старых традициях.

КРПГ и расхождения в ААУД

Оставим теперь партии и вернемся к движению «фабричных организаций». Это новое движение ясно демонстрировало, что в сознании рабочих произошла важная перемена. Но изменения влекли за собой различные последствия; внутри ААУД сформировалось множество разных направлений мысли. Общее согласие было достигнуто лишь по следующим пунктам:

- a. новая организация должна направить свои усилия на рост рядов;
- b. ее организационная структура должна быть такой, чтобы предотвратить образование клик вождей;

устаревшими концепциями. За словами о «фабричной организации» в действительности стояли разные представления. Можно было видеть в них, как это делали вожди КПГ, базовые организации, выполняющие присылаемые извне директивы: это была старая концепция. Можно указать и на целый ансамбль совершенно иных позиций и умонастроений. В этом смысле термин «фабричная организация» подразумевал ломку ранее устоявшихся идей о: а) единстве рабочего класса; б) тактике борьбы; в) соотношении руководства и масс; г) диктатуре пролетариата; д) связи между государством и обществом; е) коммунизме как экономической и политической системе.

Все эти проблемы практически вставали в ходе самой борьбы новых организаций. Следовало попытаться их разрешить, иначе эти новые формы борьбы были обречены на исчезновение. Необходимость идейного обновления стала насущной задачей; но кадры новой партии — даже если у них находилась смелость отказаться от старых позиций — думали лишь о том, чтобы создать новую партию по образцу старой, но без ее плохих сторон, окрасив отныне цели в красный, а не розовый или белый цвет. С другой стороны, новым идеям, естественно, не доставало достаточной проработки и теоретической ясности, ведь они не упали с неба и не были гармоничным целым, рожденным гениальным мозгом. Они питались частью из старой идеологии, носились с новыми идеями и перемешивались с ними. Короче говоря, молодые радикальные товарищи из КПГ недостаточно резко и решительно противостояли своему руководству, они были слишком слабы и разрозненны.

Парламентаризм

КПГ с самого своего основания была расколота на различ-

ные лагеря по отношению к большому числу проблем, рожденных понятием «фабричная организация». Временное правительство, возглавленное социал-демократом Эбертом, назначило выборы в Учредительное собрание. Должна ли новая партия принять в них участие, пусть даже с целью разоблачения? Этот вопрос вызвал острейшие споры на съезде. Большинство рабочих было против любого участия в выборах. Партийное руководство, в том числе Либкнехт и Люксембург, высказывалось, напротив, за избирательную кампанию. Руководство проиграло голосование, большинство партии объявило себя антипарламентским. Согласно представлениям большинства, Национальное собрание имело только одну функцию — усилить господство буржуазии, придав ему «законную» основу. С другой стороны, пролетарские элементы партии активно настаивали на требовании снова «активизировать» рабочие Советы или создать новые; они намеревались, возродив лозунг «Вся власть рабочим Советам!», подчеркнуть различие между парламентской и рабочей демократией.

Руководство КПП усматривало в этом антипарламентаризме не прогрессивный момент, а шаг назад к синдикалистским и анархистским концепциям, сформировавшимся в начале индустриального капитализма. В действительности же антипарламентаризм нового политического течения имел не слишком много общего с революционным синдикализмом или анархизмом. Он отрицал эти концепции. Антипарламентаризм анархистов (либертариев) основывался на отрицании политической власти вообще, в частности, отрицании диктатуры пролетариата; новое же течение рассматривало антипарламентаризм как необходимое условие взятия политической власти. Речь шла таким образом о «марксистском» антипарламентаризме.

Профсоюзы

В том, что касается профсоюзной деятельности, руководство КПП, разумеется, по-разному оценивало «движение фабричных организаций». Это (и убийства Розы Люксембург и Карла Либкнехта) привело вскоре после съезда к ожесточенным спорам.

Пропагандисты Советов выдвинули вначале лозунги: «Выйдем из профсоюзов! Поддерживайте фабричные организации! Создавайте рабочие Советы!». Руководство же КПП заявляло: «Оставайтесь в профсоюзах!». Оно не верило в возможность «завоевания» профсоюзов, но полагало, что удастся «завоевать» руководство в некоторых из местных организаций. Когда такая возможность реализуется, можно будет объединить местные организации в центральную, которая будет уже революционной.

В это время руководство КПП все еще пыталось избежать поражения. Большинство ее секций отказалось последовать этим указаниям. Но руководство не отказывалось от своей позиции, даже ценой исключения большинства членов партии; его поддерживали российская компартия и ее вождь, Ленин, который по этому случаю выпустил свою пагубную брошюру «Детская болезнь левизны». Эта позиция была проведена на съезде в Гейдельберге (октябрь 1919 г.), где руководству удалось с помощью махинаций «демократическим» путем исключить более половины членов партии. . . . Теперь германская компартия могла проводить свою парламентскую и профсоюзную политику, имевшую все более жалкие результаты; исключение революционеров позволило ей чуть позже объединиться с левой социал-демократической партией (НСДПГ) (октябрь 1920 г.) и увеличить число своих членов в четыре раза — правда,